

А. П. БОНДИН

И. Я. Яковлев

А. П. БОНДИН

ИЗБРАННОЕ

В ДВУХ ТОМАХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»
МОСКВА 1957

А. П. БОНДИН

ИЗБРАННОЕ

ТОМ I

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»
МОСКВА 1957

АЛЕКСЕЙ ПЕТРОВИЧ БОНДИН

(1882—1939)

Родина писателя Алексея Петровича Бондина — Нижний Тагил, бывшая вотчина уральских промышленников Демидовых.

Семнадцать заводов и свыше шестисот тысяч десятин земельных и лесных угодий принадлежало демидовской семье. На заводах варился чугун и плавилась медь, на озерах и реках крутились мельничные колеса, в лесах звенели пилы и курился уголь, в рудниках добывалась руда, по берегам горных ручьев и в «логах» старатели «мыли» золото и платину.

На уральских землях Демидовых жило и трудилось пятьдесят тысяч человек. Среди них был отец будущего писателя — рабочий Тагильского завода Петр Бондин.

Пожалуй, нигде в старой России труд не был таким каторжным, как здесь, среди чистых, как горный хрусталь, озер и девственных, могучих лесов Урала. Пятнадцать часов длился рабочий день на заводах и в рудниках, и этот непосильный, изнуряющий труд оплачивался жалкими грошами, которых едва хватало на полуголодное существование.

*

Когда Алексею было шесть лет, он остался без отца. Через год умерла мать. Начались скитания сироты — от брата к сестре, от сестры в приют. Из приюта он попадает к другому брату — человеку с тяжелым и вздорным характером. Жизнь у братьев была для Алексея мучением: мещанский быт, вечные раздоры из-за жалкого наследства, озлобленность, неотступная нищета...

Надолго запомнился Алексею бунт рабочих ниже-тагильских рудников в 1894 году. Ему было тогда двенадцать лет. Худой мальчуган с большими глазами, любопытный, как и большинство его сверстников, Алеша при первой же вести о бунте бросился к рудникам. Он видел, как шли товарищи и ровесники его отца с тяжелыми, гневно сжатыми кулаками выручать из-под ареста своих выборных, как, ломая окна и круша ворота, врываются они в полицейское управление и как затем полиция расправлялась с участниками бунта.

Очевидец кровавой порки, учиненной над рабочими, Алексей Бондин писал потом в автобиографической повести «Моя школа»: «Виденный мной кошмар настойчиво преследует меня».

Бондину не удалось закончить городского училища. Пятнадцатилетним приходит он на тот самый демидовский завод, где за несколько лет до этого по вине администрации погиб его отец.

С первых же дней пребывания на заводе Алексей Бондин становится жертвой рабского труда, господствовавшего на демидовских предприятиях. Мастер послал его в горячий котел, приказав выгresti оттуда шлак. Слабенький, отощавший парнишка потерял сознание, и его, с ободранной кожей, израненного, с трудом спасли.

Через некоторое время Бондину попадает в глаз чугунная стружка. Сохранить глаз не удалось. Вернувшись из больницы, Алексей обращается к управляющему с просьбой выдать ему пособие по инвалидности: несчастье произошло потому, что администрация завода не выполняла правил технической безопасности. Управляющий не только отказывает ему в выдаче пособия, но и попросту увольняет с завода.

Это случилось в то время, когда волна экономического кризиса нанесла сокрушительный удар по горной промышленности Урала.

Закрылись многие предприятия, и сотни квалифицированных рабочих бродили от завода к заводу в поисках работы. Среди них был и Алексей Бондин.

Долго скитался он по Уралу. Весной 1900 года, оборванный и исхудалый, Алеша приходит на платиновые прииски графа Шувалова. Здесь старый знакомый бондинской семьи Н. В. Сибиряков помогает ему устроиться на сборку драг. Но работа была временной, и через несколько месяцев Бондин снова долго и на этот раз безуспешно ищет работу.

Скитания по Уралу были большой школой для будущего писателя: все, что он видел в пути, у заводских ворот, рудничных контор, в кабачках и ночлежках, вызывало протест, требовало гласности.

С юных лет испытывший на себе произвол горнопромышленников, зверски эксплуатировавших подневольный труд многих тысяч бесправных и обездоленных людей, Алексей Бондин впоследствии ярко и с большой убедительностью изобразил в своих повестях рабскую, нищенскую жизнь уральского пролетария девяностых годов.

Отчаявшись найти на Урале какую-нибудь работу, Бондин решает отправиться в дальнюю поездку. Друзья посоветовали ему попытаться счастья в Нижнем Новгороде. И вот без денег, «зайцем» он добирается до Перми и оттуда по Каме и Волге до Нижнего Новгорода.

Шумный волжский город поразил Алексея. Стоя на высоком берегу могучей реки, он смотрел на широкое море, образованное слиянием Оки и Волги. Гулко и многогласно пели гудки пароходов. В их трюмах заволжское зерно, горы разной рыбы из Астрахани, каракуль, шелк и парча из Персии...

А на окраинах Нижнего те же хибарки бедняков и та же, что и на Урале, нищета, тот же каторжный труд. На берегу у пристаней слышится «Дубинушка», ее поют босяки, бездомные люди, грузчики — «соленые рубахи», ночующие под опрокинутыми лодками.

После долгих поисков работы Бондин, наконец, устраивается на завод и в рабочем предместье Нижнего, в Сормове, снимает угол у рабочего И. Ухватава. К Ухватаву приходят друзья и среди них сормовский рабочий-революционер Петр Андреевич Заломов, который послужил впоследствии прототипом образа Павла Власова в романе А. М. Горького «Мать».

В Сормове Бондин вступает в рабочие кружки. Ему дают несложные поручения. Но он выполняет их с большим рвением. «Опасность вливалась в душу задор, и я с радостью вспоминаю эти годы юности», — писал он впоследствии¹.

¹ А. П. Бондин. Автобиография. Газета «Тагильский рабочий», 1939, 10 ноября.

В 1902 году Бондин вместе с И. Ухватовым и П. Заломовым идет в рядах знаменитой первомайской демонстрации сормовских рабочих. За участие в демонстрации его вместе с другими рабочими вышвырнули за ворота завода.

Снова безработица. Получить работу только что уволенному «за участие в беспорядках» невозможно. Бондин решает покинуть Нижний.

На этот раз он направляется в Петербург. Но и в Петербурге остается недолго. Ему исполняется двадцать один год — призывной возраст, надо возвращаться в Тагил. Однако приемная комиссия бракует его: какой из него солдат с одним глазом!

Трудно было после долгих скитаний снова прощаться с Уралом. И Алексей Бондин решает остаться в родном Тагиле.

Наступил 1905 год. На Урале работают подпольные кружки РСДРП, проводятся массовки, то тут, то там вспыхивают забастовки. Слесарь железнодорожного депо станции Нижний Тагил Алексей Бондин — участник кружков и маевков.

Его подвергают аресту, сажают на месяц в тюрьму. Выйдя из тюрьмы, он попадает под негласный надзор полиции. Стараясь ускользнуть от нее, молодой слесарь переезжает с места на место: то он работает на Северной железной дороге, то на затерявшейся в лесах Прикамья станции Вознесенская. Однако вплоть до самого Октября недреманное око полиции продолжает свою слежку за ним.

После Великой Октябрьской социалистической революции Бондин еще долго работает в депо слесарем. Он гордится своей профессией. Даровитый по природе, Бондин был новатором и в своей специальности. Он изобрел переносный станок для отточки цапф колес паровоза, сконструировал передвижную трансмиссионную тележку для расточки цилиндров паровоза, трещотку для пресс-масленок.

*

Писать Бондин начал еще до революции. Странствования по России, встречи с людьми, чтение книг вызвали желание рассказать то, что видел, о чем много и мучительно думал. Первые работы не были удачными. Сказывалось отсутствие литературного опыта, мешали частые переезды в поисках работы, сковывал полицейский надзор. Впоследствии, вспоминая о своих первых опытах, писатель говорил, что в них было много вычурного.

Октябрьская революция покончила с кризисами и безработицей. Все свободное время Бондин стал отдавать литературному труду.

Когда пьеса Бондина «Враги» была показана делегатам окружной партийной конференции тагильских большевиков, она вызвала большой восторг. Алексея Бондина вызвали на сцену, ему кричали: «Ура, Петрович!» После «Врагов» Бондиным было написано еще несколько пьес, но они не имели успеха.

Вскоре, поняв, что драматургия — это «не его жанр», Бондин возвращается к осмыслению пережитого и увиденного за годы скитаний и революционной работы на Урале и решает отдать свои силы созданию прозаических произведений.

В первые годы после революции он пишет много очерков, рассказов, но они не удовлетворяют писателя, ему хочется, чтобы из-под его пера вышло нечто большее, значительное.

Бондин приступает к работе над повестью «Уходящее». Центральный персонаж этой повести, Кубасов, — страшная личность! Человек тяжелой, гнетущей воли, Кубасов живет в темных, тесных комнатах мрачного мещанского «собственного дома». Дом этот отгорожен от внешнего мира толстыми, не пропускающими звуков стенами. В этом мрачном царстве он «сам себе император», сам себе судья.

Кубасов — это первая проба пера Бондина в поисках глубоких человеческих характеров.

Еще более удачной попыткой дать в небольшом произведении законченный человеческий портрет, раскрыть психологию уже не одного, а сразу нескольких героев была вторая повесть — «Связчики».

Вслед за этими двумя повестями Алексей Петрович, работая по ночам, лишая себя воскресного отдыха, пишет третью повесть — «Матвей Коренистов». На протяжении шести лет возвращается он к этому произведению, углубляя образы и работая над языком.

В «Матвее Коренистове» Бондин противопоставляет судьбе «маленького человека» в царской России жизнь советских людей — хозяев своей страны. Матвей Коренистов — маленький загнанный человек, плененный ранее мелкособственнической моралью, отталкивавшей его от рабочего коллектива, вырастает в настоящего героя трудовых подвигов.

Одновременно с работой над повестью «Матвей Коренистов» Алексей Бондин приступает к сбору материала для книги о жизни уральских золотоискателей. Ему при этом не нужно было начинать с азов — он родился и жил в самом центре золотопромышленного Урала, где из уст в уста передавалось много былей и небылиц о фортах и крахах, где еще были целы богатые дома, выросшие на дрожжах золотой лихорадки, еще слонялись по кабакам отравленные золотым ядом, спившиеся старатели, а старики сказывали внукам сказки о Великом Полозе, извергающем желтый огонь...

Первая часть «Логов» была опубликована в 1933 году. Время действия романа — конец прошлого столетия и предреволюционные годы.

Перед читателями проходят картины жизни и кропотливого труда приисковых рабочих, постепенного зарождения классовой сознательности у трудящихся дореволюционного Урала. На примере семьи Скоробогатовых писателю удалось правдиво показать страшную, звериную природу уральских золотопромышленников.

В «Логах» писатель обнаружил превосходное знание народного быта Урала, жизни уральских старателей и горнорабочих. Язык произведения сочный, колоритный. Характеры яркие, словно вылепленные.

Роман «Лога» свидетельствовал о крупном своеобразном таланте писателя. Выход романа из печати оказался большим событием на Урале, где впервые после революции было создано такое значительное по замыслу и масштабам произведение. Читатели с большим вниманием приняли роман. В статьях, помещенных в центральной печати, говорилось об удаче писателя. Хорошо были встречены «Лога» и местной критикой, хотя некоторые критики, положительно оценивая роман, упрекнули Бондина в подражательстве Д. Н. Мамину-Сибиряку. Но этот упрек не имел под собой оснований: Д. Н. Мамин-Сибиряк много писал о золоте (романы «Золото» и «Дикое счастье», очерк «Золотуха» и др.), но его герои — административная верхушка приисков. Герои же Бондина — простые люди, такие, как и он сам, рабочие, рядовые старатели.

Окрыленный успехом, Алексей Бондин сразу же принялся за продолжение романа. Он хотел дать широкую историческую картину эпохи гражданской войны и восстановительного периода на Урале, показать, что нового принесла революция на прииски, как изменились люди.

К сожалению, вторая часть «Логов» не удалась Бондину. Собрав огромный материал, писатель не сумел его художественно осмыслить.

Критика расценила вторую часть «Логов» как серьезную неудачу автора.

«Вторая часть — дрянь, плохая книга, — говорил писатель товарищам. — Я иногда погляжу на нее и думаю: «У, проклятая! Если бы тебя не было». Я теперь так решаю: из пятнадцати листов выброшу семь, остальные напишу по-новому».

Но закончить книгу Алексей Бондин не успел. Захватила другая работа — повесть «Моя школа». Это была книга о суровом и мрачном детстве сироты из бедной рабочей семьи. В основном она целиком воспроизводила биографию писателя. Небольшая в то время книжечка (впоследствии она была дополнена автором), создан-

ная для детей, полюбилась и взрослому читателю. «Моя школа» — не только простой, бесхитростный рассказ о горемычном детстве уральского мальчика, это, как правильно отмечали молодые рабочие Нижне-Тагильского завода имени Куйбышева в своем коллективном письме к вдове писателя, «биография целого поколения, десятков тысяч человек».

За «Моей школой» следует серия так называемых охотничьих рассказов, вышедших в свет в 1937 году отдельной книгой под общим названием «В лесу». Бондин адресовал сборник также детям, но и эта книга привлекла внимание взрослого читателя. Полная оптимизма и добродушного юмора, она характерна большой теплотой и любовью автора к суровой и прекрасной природе Урала.

Сочными, яркими мазками рисует Бондин уральскую природу во всей ее величественной красоте: суровые скалы, быстрые речки со збонкой и прозрачной водой, путанные звериные тропы, могучие синезеленые, упирающиеся вершинами в небо ели и пихтачи.

Своеобразный тонкий юмор Бондина — сильная сторона дарования писателя. Весело и заразительно смеется писатель в рассказах «Озорник», «Иван Никифорович», «Шуруй», «Заяц», «Шлепает», «Медвежья шалость», «Форель» и др. Юмор Бондина насыщен народным простодушием и веселостью русских сказок.

В 1932 году Алексей Бондин оставляет депо и всецело отдается литературной работе. На протяжении многих лет он трудится над романом «Ольга Ермолаева», изумляя всех своей усидчивостью и неутомимостью. Бондин словно предчувствует, что времени у него остается необычайно мало. Увидеть роман напечатанным Бондину действительно не пришлось — произведение вышло уже после смерти писателя.

«Ольга Ермолаева» — крупный шаг писателя вперед: это первая книга советской литературы, в которой показано зарождение движения многостаночников. В центре романа образ русской женщины Ольги Ермолаевой. обстоятельно и художественно убедительно Бондин развертывает широкие картины жизни Урала на протяжении примерно сорока лет. Мы видим героиню молоденькой, озорной девушкой, затем замужней женщиной. Ольга несчастна в браке с Николаем, мелким человеком. Умная, ласковая женщина с сильным характером и тонкими чувствами, Ольга решает начать новую жизнь и уходит от мужа. Поступив на завод, она через некоторое время становится инициатором движения за многостаночную работу.

Значение романа не только в том, что в этом произведении Бондин первым из советских писателей правильно раскрыл творческие тенденции социалистического труда, но главным образом в том, что писатель убедительно показал силу творчества масс, которая вы-

ражена в мыслях и делах героини романа — Ольги Ермолаевой, человека новой эпохи. «Нужно, — говорит Ольга, — каждую минуту истратить на дело. Время теперь наше, мы его тратим на самих себя».

В романе действуют наши современники — рабочие, новаторы, устремленные вперед, полные радости созидательного труда. Потомственный рабочий, Алексей Петрович Бондин отлично умел писать о людях труда. Будущее в них, в людях-созидателях. Рабочие у Бондина всегда наделены смекалкой, пытливостью ума и неутомимым стремлением к труду — источнику всех ценностей.

Являясь сам русским самородком, Бондин в своих произведениях стремился показать людей самородного, буйного таланта. А сколько их было на Урале! В родном городе писателя Нижнем Тагиле был построен первый русский паровоз демидовскими крепостными Ефимом и Мироном Черепановыми. Там же крепостной крестьянин Егор Жепинский еще в XVIII веке создал катальную машину, машину для резки железа и др. Недалеко от Нижнего Тагила сохранились остатки плотин и каналов, сооруженных Клементием Ушаковым. Еще более поразительным был творческий подвиг мастера Нейво-Алапавского завода Игнатия Сафонова, который одним из первых в мире изобрел водяные турбины.

Трагическая участь постигла многих уральских умельцев. Не выдержав издевательств помещика, повесился талантливый крепостной скульптор Агап Шеваньгин. После Петербурга и Парижа, где он учился у лучших мастеров, Шеваньгин был послан барином-самодуром копать руду. Бесследно исчез художник Ларион Худояров, оторванный от любимого дела. Люди кипучего таланта, они были безжалостно раздавлены русским крепостничеством и капитализмом.

В повести «Моя школа» Бондин рассказывает о печальной судьбе талантливого самоучки Ивана Катышева. Катышев — весь горение, он не может и часа жить без творчества. Его мечта — турбина, работающая при наименьшей затрате энергии с наибольшим эффектом. Над осуществлением своей идеи он работает, забывая обо всем, с упорством, близким к подвижничеству. В тесной каморке, не имея необходимых инструментов, из материалов, вынесенных украдкой с завода, мастерит он свою турбину. Успех идет за ним по пятам, и когда все уже готово, когда модель пущена в ход и радости изобретателя нет предела, Катышева обвиняют в воровстве и выбрасывают с завода.

Измученный безработицей, голодом, доведенный до отчаяния, Катышев кончает самоубийством.

«Никто из нас не умирает так, чтобы вот дожить до старости и умереть от нес. Что-нибудь да стрясется», — говорит Алеше Бон-

дину старый рабочий Семен Кузьмич Баранов, умирающий в больнице от увечья.

Преждевременная и часто насильственная смерть обрывает деятельность многих талантливых людей — героев произведений Алексея Бондина. Автор показывает, что гибель самородных талантов не являлась случайностью, а была закономерным следствием капиталистической системы.

Однако писатель не приходит к безысходному выводу: наряду с мрачными картинами Бондин показывает великую духовную силу и стойкость русского рабочего, его волю к борьбе за лучшую жизнь, его веру в то, что эта жизнь будет добыта его собственными руками. «Придумают когда-нибудь люди жизнь переделать», — убежденно заявляет старый рабочий Стафей Ермилыч («Ольга Ермолаева»). Рабочий Хорошев в повести «Моя школа» говорит: «Рабочему трудно живется потому, что труд его не для него... Понять нам надо, что все мы — хозяева жизни, потому что в нас вся сила, в наших руках труд».

И Бондин убедительно приводит своих героев к осознанию ими необходимости активного протеста против капиталистического гнета. В «Моей школе» многие страницы посвящены показу революционного рабочего движения на Урале и в средней полосе России. Мы видим тут целую галерею портретов рабочих вожakov и среди них прежде всего известного революционера Петра Заломова, руководителя Сормовской демонстрации,

*

Работал Бондин упорно и настойчиво, по несколько раз переписывая свои произведения. Его работоспособность была удивительной: до тех пор, пока Алексей Петрович не оставил депо, он писал ежедневно с шести вечера и до трех ночи. В шесть утра он уже был на ногах и к семи часам шел в депо.

Очень много и кропотливо трудился он над языком своих произведений. Работа эта была для него мучительной: если ему хорошо давался диалог, то в авторской речи еще и теперь заметны следы непреодоленной стилиевой слабости языка. Конечно, ему, рабочему-писателю, приходилось вдвойне тяжело — ведь он не имел той подготовки, которая закладывается с детства.

Как писатель Бондин вырос в тридцатые годы. В это время им написаны лучшие произведения. Преждевременная смерть не дала развернуться во всю силу его таланту. Бондин умер в 1939 году, — всего лишь семь лет он был на профессиональном положении писателя. Семь лет — это очень мало для писателя-самоучки, выходца из

рабочей среды. Как и всякого истого художника, Бондина часто мучили сомнения, неудовлетворенность сделанным. Выхода книги он ждал всегда с трепетом: что скажет читатель? Жена писателя рассказывает, с каким волнением Бондин воспринял появление 16 января 1936 года в «Правде» статьи М. Горького, в которой рекомендовалось издание «Моей школы» наряду с такими книгами, как «Детство и отрочество» Л. Толстого и «Детство Багрова внука» С. Аксакова.

Бондин долго молча ходил, морща лоб, затем поднял влажные глаза на жену и с дрожью в голосе проговорил:

— Да! Если Алексей Максимович признал мою книгу достойной того, чтобы поставить рядом с такими мастерами, то... неплохое начало. Горький — это лучшая для меня в мире похвала.

Алексей Бондин всю свою жизнь находился под обаянием огромного таланта Горького. Он гордился этим, считая себя счастливым, что имел такого великого учителя, но учение и подражание не одно и то же. В статьях и личных высказываниях, в письмах к друзьям и молодым писателям Бондин всегда подчеркивал, что он ученик Горького.

Учась у Горького, Бондин не переставал быть самобытным пролетарским художником со своим миром героев, своим отношением к действительности, своей манерой изображения жизни.

В своих произведениях Бондин умел выделить то ведущее, что характерно для современной ему эпохи, умел показать в личности своих героев, людей труда, творческое начало.

Бондин, свыше тридцати лет проработавший на производстве, интуитивно чувствовал «третью действительность» — действительность будущего, о которой так ярко и убедительно говорил Горький: «Мы должны эту третью действительность... включить в наш обиход, должны изображать ее. Без нее мы не поймем, что такое метод социалистического реализма»¹.

Это умение смотреть «из настоящего в будущее» было свойственно Бондину, и, может быть, потому его произведения и сейчас сохраняют свежесть и актуальность.

*

Последние годы своей жизни писатель провел в маленьком одноэтажном домике у пруда. Из окон была видна тихая и гладкая вода, а за нею высилась знакомая с детства Лысая гора. У подножья

¹ А. М. Горький. Наша литература — влиятельнейшая литература в мире. Речь на втором пленуме Правления Союза советских писателей 7 марта 1935 года.

горы дымил завод имени Куйбышева — один из бывших демидовских заводов, где Бондин мальчиком начинал свою рабочую жизнь. По ночам, засидевшись над рукописью, он любовался яркими вспышками, подымавшимися над заводом, — там варился металл.

Квартира была маленькой, тесноватой, но очень уютной, словно согретой сердечным теплом и веселым характером хозяина. В солнечные дни сквозь небольшие окна, сплошь заставленные цветами, пробивались тонкие, как струны, лучи и настойчиво ласкали никелированный самовар.

В доме Бондина любили и умели распивать чай. Делалось это обстоятельно, по русскому обычаю, чтобы самовар шумел, чтобы фарфоровые чашки звенели и сахар похрустывал.

Хозяин дома умел слушать гостей и сам был отличным рассказчиком — все про свой любимый Урал, про историю его, различные бывальщины про седую старину, о несметных кладах, о мастерах рудничного, чугунного, медного дела, о славных уральских механиках... Все, кто бывал в этом доме, с неохотой расставались с Алексеем Петровичем.

До пожилого возраста Бондин сохранил юношескую непосредственность характера: уж если огорчился или радовался, то всей душой.

Простой, отзывчивый, он с первого взгляда производил впечатление шутника. Но с врагами он был непримирим до жестокости, а друзей любил широко, со щедростью чувств простого рабочего человека, хорошо знавшего, что радость не крадется, а добывается трудом.

Павел Бажов, очень ценивший свою дружбу с Бондиным, писал о нем: «Все, кому случалось ходить с А. П. Бондиным по Тагилу, помнят, что это было почти невозможно из-за ежеминутных окликов:

— Алексей Петрович! Мне бы надо...

— Товарищ Бондин! К нам когда же?

— Ленька! Погоди-ко минутку...

Обращались люди разного возраста и пола, разных профессий, и было поразительно, с какой быстротой А. П. Бондин включался в самые разнообразные ответвления жизни...

Это широкое и постоянное общение с жизнью при редкой наблюдательности и памяти и было самой сильной стороной А. П. Бондина.

Темы ему искать было не нужно. Они сами приходили¹.

Живой, увлекающийся, готовый подхватить все новое и бороться

¹ П. П. Бажов. Пристальным, веселым взглядом. «Уральский рабочий», 1940, 12 ноября.

ся за него с неутомимостью человека, одержимого страстью, писатель откликнулся на самые разносторонние события окружающей действительности. Об этом свидетельствуют его многочисленные статьи, очерки, зарисовки, публиковавшиеся в местной газете «Тагильский рабочий». Всей своей жизнью, мыслями и делами связанный с Уралом, Бондин горячо отстаивал необходимость создания истории Нижне-Тагильского завода и даже разработал подробный план первой книги о нем.

Таким был этот талантливый человек из народа. Его сердце, его душа — в его книгах, написанных сочным народным языком, согретых любовью к трудовому народу, герою его произведений.

Уральцы чтут память своего талантливого земляка: имя Алексея Бондина присвоено городскому саду Нижнего Тагила, школе и улице, на которой он жил в детстве.

Прах писателя покоится в городском саду. Над могилой установлен памятник, на котором высечен барельеф писателя: в руках у А. Бондина том Горького. Ниже надпись: «Бондин Алексей Петрович. 1882—1939 гг.».

Летом у подножия памятника можно видеть цветы — живое свидетельство любви читателей к вышедшему из народной гущи писателю,

С. ЖИСЛИНА
П. САЖИН